

Александр Мелик-Пашаев

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

В то время, когда готовился этот номер юбилейного журнала, день 16 сентября принес печальную весть: завершился земной путь выдающегося российского мыслителя Анатолия Сергеевича Арсеньева.

Отчетливо помню, как я первый раз увидел Анатолия Сергеевича. Я был тогда аспирантом НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР и собирался сдавать кандидатские экзамены, в том числе по философии. Цикл лекций для аспирантов читал недавно появившийся в институте философ, но я решил к нему не ходить. Сдавать советскую «философию» я умел, цену ей знал, зачем же время терять?

Я уже пропустил два-три занятия, когда стало известно, что не прослушавших курс к экзамену не допустят. Перед очередной лекцией я топтался вблизи аудитории и обдумывал, чем объяснить мое запоздалое появление. И вдруг увидел человека, совсем не похожего на советского философа. Он взбегал по лестнице, легкий, с развевающейся шевелюрой, с каким-то смелым и веселым выражением лица и с громадным, тяжелым портфелем в руке.

Анатолий Сергеевич и слушать не стал моих объяснений, сказал только: «Пожа-а-луйста...» и махнул рукой в сторону аудитории.

Началась лекция, и уже через несколько минут я понял, что присутствую при чем-то почти невыносимом для тех лет: *человек публично говорит о философии то, что думает!* Еще через несколько минут я понял, что К. Маркс, оказывается, «тоже ничего себе...». А еще через несколько минут начал испытывать тревогу за лектора: ведь не я один его слушаю и неизвестно, кто, что и кому расскажет.

Между тем Анатолий Сергеевич, сформулировав очередную мысль, явно расхоронившуюся с официальным марксизмом, достал из громоздкого портфеля том К. Маркса и Ф. Энгельса, указав, в каком сочинении упомянутая мысль содержится, и ставил книгу вертикально перед собой. К концу лекции построилась небольшая крепость, до поры защищавшая философа от жалоб и доносов. Но потом «пора» пришла, кто-то «стукнул», и от постоянной работы с молодыми А. С. Арсеньева отстранили.

Воздадим должное тогдашнему директору Василию Васильевичу Давыдову: он ограничился этой вынужденной мерой, а в остальном оставил Анатолию Сергеевичу большую свободу, и его участие в научной жизни института в течение многих лет было очень заметным.

Нынешнему научному сотруднику трудно даже вообразить то интеллектуальное напряжение, тот теоретический уровень докладов и дискуссий, тот общий, бескорыстный интерес к мысли, которые царили в нашем оазисе на фоне казенщины и так называемого «застоя» конца 1970-х. Анатолий Сергеевич был, я думаю, самой яркой фигурой этих «праздников мысли»; он вызывал и наибольшее восхищение, и резкое неприятие, даже раздражение оппонентов – впрочем, не переходившее в плоскость

личного. Пожалуй, все понимали, что перед нами человек необычный, *искатель истины*, бескомпромиссный и бесстрашный, и это внушало уважение даже самым непримиримым и нетерпимым.

Порою то, что он говорил, даже пугало. Он мог сказать, к примеру, что к истине ведут разные ворота, и марксизм в общем-то не хуже других, важно только пройти через ворота, а не застрять в них. Не жившему в то время невдомек, какой смелостью надо было обладать для этого: ведь марксизм был объявлен единственной и окончательной истиной всех времен и народов.

Раз за разом, год за годом А.С. Арсеньев втолковывал людям, заполнявшим большие аудитории, что органическое целое не складывается из частей, а предшествует своим частям; что развитие не обусловлено прошлым, а направляется из будущего, что наука в узко понятом смысле – это форма знания о вещах, но не о человеке, а если о человеке – то лишь в тех аспектах, в которых он сам выступает как «вещь»; что, если докладчик рассказывает, как что-то «померить» в *личности*, можно спокойно расходиться по домам, и т.д. и т.п.

Мне повезло: то, что говорил А.С. Арсеньев, в главном не противоречило моим сложившимся смолоду убеждениям, и я внутренне не спорил с ним, а только учился, в меру своих возможностей, четкости аргументации, строгости мысли и слова, творческой работе с источниками и т.д. Но у многих, воспитанных и долго трудившихся в иной системе научных координат, подобные идеи вызывали отторжение прямо-таки на соматическом уровне!

Думаю, что Анатолий Сергеевич с его манерой фехтовальщика-полемиста-шестидесятника порою бывал не совсем прав. Он мог бы больше идти навстречу добросовестным экспериментаторам и далеко не глупым людям, которые не готовы были принять его точку зрения. Мог бы, к примеру, показать, как, с его позиции, по-новому высвечиваются, а не отрицаются добытые им факты – может быть, многие стали бы его сторонниками.

Но и без этого его влияние, в конце концов, оказывалось вдохновляющим и плодотворным. Случалось, что кто-то, поначалу категорически отвергавший то или иное его утверждение, лет через 5–6 говорил: «Зачем Арсеньев повторяет эти общеизвестные вещи?», забывая, во-первых, что они «общеизвестны» главным образом среди сотрудников института на Моховой и, во-вторых, что «общеизвестными» их сделал именно А.С. Арсеньев.

Некоторые ученые, резко отторгавшие его излюбленные идеи, и сами не заметили, как по прошествии десятилетий стали строить именно на таких основаниях собственные исследования. Что же, Анатолий Сергеевич был этому только рад.

А.С. Арсеньев, выдающийся мыслитель нашего времени, был, как принято говорить, «широко известен в узких кругах». В советское время его не печатали и боялись. Когда грянула перестройка, я подумал, что теперь настанет его время. Но нет! Безграничная свобода сыграла с нами шутку. Место сокровенных бесед заняла болтовня о сокровенном, колду-

ны стали давать мастер-классы на центральных каналах ТВ, и строгая философская мысль, далекая от конъюнктуры, опять оказалась не больно нужна.

К счастью, увидела все-таки свет большая книга «Философские основания понимания личности», в которой воплотился, хотя и не без потерь, основной корпус идей А. С. Арсеньева. Сейчас мало кто станет в нее вникать. Но если отечественная культура имеет будущее (в чем сегодня нельзя быть уверенным), то имеет будущее и философское наследие А. С. Арсеньева. Ведь, как говорил любимый им М. М. Бахтин, культура не знает мертвых смыслов, у каждого из них будет свой праздник возрождения!

Анатолий Сергеевич жил долго. Пережил своих талантливых друзей, дуэлянтов и импровизаторов, единомышленников и оппонентов. В последние годы он не был на виду. Обретал новый духовный опыт и уж, наверное, обдумывал новые мысли. Может быть, мы еще познакомимся с плодами его поздних трудов...

Навсегда запомню, как я в последний раз видел Анатолия Сергеевича. В тишине полутемного и почти пустого храма, с глубокой, сосредоточенной мыслью на спокойном лице. Вся его жизнь была исканием истины, путем к истине. И я верю, что, завершив путь, он пришел к Сказавшему: «Я есмь путь, и истина, и жизнь».